

В. А. АВРОРИН

О ПРЕДМЕТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Социальная лингвистика, или, иначе говоря, социолингвистика, зародилась уже давно. Весь пафос учения о языке основоположников марксизма-ленинизма — К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина — заключается в утверждении бесспорной, но далеко не для всех очевидной истины о социальной обусловленности назначения и развития языка. Связанные с этим идеи, как известно, легли в основу лингвистических взглядов П. Лафарга. Понимание зависимости языка от социального прогресса было свойственно уже Я. Гримму, отметившему такую зависимость в предисловии к своей «Немецкой грамматике»¹. В той или иной форме об этом недвусмысленно говорили многие крупные языковеды — представители почти всех лингвистических школ: Б. Дельбрюк и Ф. Ф. Фортунатов, А. Мейе и Ж. Вандриес, Дж. Бонфанте и Э. Сепир. Вовсе проходили мимо этой зависимости, стараясь не замечать ее, по сути дела только ортодоксальные младограмматики да структуралисты датского и американского толка.

Из лингвистов наиболее отчетливо выразил еще в прошлом веке зависимость развития языка от развития общества И. А. Бодуэн де Куртене в своем учении о внутренней и внешней истории языка. Несколько позднее, уже в начале нашего века, сходные мысли о наличии в языке внутренних и внешних элементов высказал Ф. де Соссюр, поставив при этом внешние элементы за рамки задач собственно лингвистического исследования.

Для советских языковедов уже с двадцатых годов, т. е. с их первых шагов по овладению марксизмом, зависимость эта становится бесспорной, хотя и не всегда одинаково понимаемой в деталях. Работы советских языковедов того периода не ограничивались констатацией социальной обусловленности языкового развития, но содержали в себе и конкретные исследования многих связанных с этим явлений. В этой связи следует назвать имена таких замечательных ученых, как Л. В. Щерба, Н. М. Каринский, Б. А. Ларин, Л. П. Якубинский, Н. Я. Марр, В. М. Жирмунский, Г. О. Винокур, М. В. Сергиевский, В. В. Виноградов, Е. Д. Поливанов, К. Н. Державин. Особенно плодотворными были их исследования социальной дифференциации языка².

В ходе истории развития советского языкознания бывали периоды спада и подъема интереса к общественной обусловленности языка, но ни один из этих периодов не ознаменовал собой отказа от такой постановки вопроса. Поэтому получившее отражение в печати мнение о том, что социальная лингвистика родилась будто бы только во второй половине нашего века, нельзя считать обоснованным.

Другое дело — вопрос о предмете социальной лингвистики. Между лингвистами нет единомыслия по этому поводу. Больше того, вопрос

¹ См.: J. Grimm, Deutsche Grammatik, I, Göttingen, 1819.

² Об этом периоде см.: В. М. Ж и р м у н с к и й, Марксизм и социальная лингвистика, сб. «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969, стр. 7—14.

этот чаще всего не обсуждается и даже не ставится. Молчаливо предполагается, что социальная лингвистика изучает все то, что в языке и его развитии связано с факторами социального порядка. Не нарушает традиции и последняя из известных мне работ на эту тему — статья И. Крауса, опубликованная недавно в «Вопросах языкознания»³.

Язык обладает двумя тесно связанными, но относительно самостоятельными сторонами — структурной и функциональной.

Понимание структурной стороны языка не вызывает кривотолков. Здесь всеми лингвистами имеется в виду, коротко говоря, синхронное состояние и процесс изменения механизма языка — его структуры.

Функциональная сторона языка (равно как и любой формы его существования) — это его роль в жизни конкретного общества, выполнение им своего назначения во всех сферах общественной жизни данного народа. Другими словами, функциональную характеристику «языкового образования»⁴ определяет то место, которое оно (языковое образование) занимает в конкретной языковой ситуации⁵, а языковую ситуацию составляет взаимодействие сосуществующих в практике общения данного народа или же населения данной территории языковых образований. Как видим, содержание двух сопоставляемых здесь понятий во многом совпадает. Различает их то, что первое касается каждого отдельного языкового образования и его жизни в обществе, тогда как второе исходит из коммуникативных потребностей конкретного общества и имеет в виду их удовлетворение путем распределения ролей между сосуществующими языковыми образованиями.

С другой стороны, языковая ситуация — это компонент сложнейшей системы общественных отношений в рамках того или иного сообщества людей: народа, его подразделения или совокупности народов. В то же время она и сама составляет довольно сложную систему многочисленных компонентов, лежащих в разных плоскостях, но скрепленных между собой причинно-следственными связями. Важнейшим из этих компонентов, определяющим собой в конечном счете все остальные, служат социально-исторические условия жизни народа и его языка. Изменение этих условий, отражающее ход социального прогресса, последовательное продвижение общества по иерархической лестнице социально-экономических формаций изменяет как количественно, так и качественно характерный для данного народа набор сфер человеческой деятельности, таких, как производство, быт, общественно-политическая деятельность, судопроизводство, просвещение, массовая информация, наука, искусство, религия и мн. др. Изменения в области сфер общественной деятельности вызывают количественные и качественные изменения в наборе сосуществующих и взаимодействующих форм существования языка (диалектный, наддиалектный и общенародный язык, народно-разговорный и литературный, бесписьменный и письменный, национальный и межнациональный язык, арготические, литургические, креольские, кастовые, женские и другие специализированные разновидности языков).

Все перечисленные выше компоненты, составляющие своего рода экологическую обстановку, т. е. социально-исторические условия, система сфер общественной деятельности и форм существования языка, а также характер взаимодействия сосуществующих языков, являются факторами, определяющими перемены в языковой ситуации.

³ И. Краус, К общим проблемам социолингвистики, ВЯ, 1974, 4.

⁴ См.: Л. Б. Никольский, Языковая политика как форма сознательного воздействия общества на языковое развитие, сб. «Язык и общество». М., 1968, стр. 117.

⁵ Ср. определение языковой ситуации у Л. Б. Никольского (там же, стр. 209—210).

Хотелось бы предупредить возможное, характерное, например, для работ У. Лабова, Дж. Гамперца, Г. Крокетта, смешение языковой ситуации с ситуацией речевой, т. е. суммой обстоятельств, сопровождающих конкретный речевой акт. В настоящей статье разговор идет о ситуации, в которой живет язык, иначе говоря, о макроситуации, а никак не о ситуации отдельного речевого акта — не о микроситуации. Это явления принципиально разные.

Все специалисты как будто единодушны в том мнении, что изучение функциональной стороны языка и теснейшим образом связанной с ней языковой ситуации входит в круг задач социалингвистики как особого направления общего языкознания. Сложный и изменчивый характер языковой ситуации, а значит и функциональной стороны языка, прямая и непосредственная каузальная зависимость их от внеязыковых факторов определяют собой пограничное положение социалингвистики.

Поскольку социалингвистика изучает одну из сторон языка — его общественное использование с учетом форм его существования, она одной из своих граней, причем наиболее важной, обращена в сторону языкознания, являясь его составной частью. Но есть у социалингвистики и такие грани, которые обращены в сторону наук, изучающих структуру человеческого общества, ее функционирование и развитие, другими словами, в сторону истории, этнографии, социологии и социальной психологии. Не случайно этнографы и социологи проявляют в последнее время все возрастающий интерес к таким социалингвистическим проблемам, как двуязычие, межнациональное общение и функциональное взаимодействие языков. Сошлюсь хотя бы на опубликованное недавно Институтом этнографии АН СССР исследование «Социальное и национальное», где целая глава посвящена важным проблемам социалингвистики⁶.

Для изучения языковой ситуации нет надобности изобретать новую методику. Вполне можно обойтись давно уже апробированными исследовательскими приемами, набор которых обширен и разнообразен. Как это ни парадоксально, меньше прочих могут найти себе применение собственно лингвистические методы. Они необходимы лишь для определения форм существования языка с целью четкого их разграничения и, быть может, еще при изучении некоторых проблем двуязычия, особенно для выявления его интенсивности и случаев межъязыковой интерференции. Предпочтение же, несомненно, должно быть отдано методам исторических и конкретно-социологических исследований, таким, как непосредственное наблюдение, анализ документальных источников, интервьюирование и массовый анкетный опрос. Это в еще большей мере укрепляет пограничную позицию социалингвистики.

Неясным и спорным остается вопрос о предмете социалингвистики. История этой научной дисциплины сложилась так, что к ее компетенции стало принято относить те изменения в структуре языка, которые возникают под воздействием факторов социального порядка, а также все, что связано с функциональной стороной языка, оставляя на долю обычной, традиционной лингвистики лишь то, что непосредственно относится к структуре языка и изменяется без очевидного воздействия социальных факторов. Таким образом, к социалингвистике отнесено все, что касается функциональной стороны, и это, понятно, не вызывает ни у кого возражений. Но сюда же обычно относят и часть того, что касается его структурной стороны — то, что в ней явным образом социально обусловлено, тогда как к традиционной лингвистике отнесена вторая часть структур-

⁶ «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований», М., 1973, стр. 230—272.

ной стороны, социальная обусловленность которой якобы сомнительна. Единое целое — структура языка — оказалось разорванным на самостоятельные объекты двух разных научных дисциплин. Больше того, линия водораздела прокладывается не только через живое тело структуры языка, но и через отдельные его участки, отдельные парадигмы. В то же время к одной из этих дисциплин — к социолингвистике — неправомерно причислены две принципиально различные стороны языка: одна, функциональная, целиком, а другая, структурная, частично. Такое разграничение научных дисциплин и их предметов едва ли можно считать логически оправданным.

Но это еще не все. Нужно к тому же убедиться в возможности разделения явлений и процессов, связанных со структурой языка, на два хотя бы относительно устойчивых и самостоятельных класса — на социально обусловленные и какие-то иные, стоящие в оппозиции к первым, т. е. те, которые, логически рассуждая, придется признать «социально не обусловленными». Попробуем поискать такую возможность.

Общезвестно, что у языка как явления социального по самой своей природе нет и не может быть никаких иных задач, помимо сугубо социальных. Никакими иными функциями, кроме общественных, — ни физическими, ни биологическими — язык не обладает и обладать не может. Поэтому любое изменение в языковой структуре, любой шаг в ее развитии в конечном счете направлены, как удачно выразился Б. А. Серебренников, «к улучшению языкового механизма и к поддержанию этого механизма в состоянии коммуникативной пригодности»⁷, т. е. теснейшим образом связаны с чисто социальными целями. Все дело только в том, что одни изменения в языке происходят очевидным образом и непосредственно под влиянием тех перемен, которые совершаются в общественной жизни, другие же зависят от них менее очевидно и менее непосредственно — лишь по своим конечным результатам. Нередко они, особенно до углубленного их изучения, кажутся нам даже вовсе не зависящими от внеязыковой действительности, управляемыми исключительно имманентными внутренними законами. Такая иллюзия возродилась и довольно долго господствовала у нас после лингвистической дискуссии 1950 г., чему способствовало увлечение входившей тогда в моду глоссематикой.

Очевидно, что одни языковые изменения являются результатами сознательного регулирующего воздействия со стороны общества и его членов, другие же происходят стихийно, в результате, как теперь принято говорить, «давления системы» самого языка. И все же в языке, в его структуре, видимо, нет ничего, что так или иначе не было бы в конечном счете социально обусловленным, вызванным потребностями общества и служащим их удовлетворению. Нужно только опасаться вульгарно-социологических крайностей и не представлять себе зависимость между языком и обществом как прямую, непосредственную и автоматическую.

Между жизнью общества и языковой структурой лежит немало посредствующих звеньев, среди которых заметное место принадлежит функциональной стороне языка. При каждом языковом изменении эти звенья действуют, но не всегда все, не всегда одни и те же и не всегда одинаково. Неравномерное участие посредствующих звеньев вместе со специфическими особенностями структуры конкретного языка приводят к тому, что одинаковые причины рождают в разных языках неодинаковые следствия.

⁷ Б. А. Серебренников, Об относительной самостоятельности развития системы языка, М., 1968, стр. 41.

Все уровни языковой структуры, хотя и в разной мере, подвержены влиянию социальных факторов. Не составляет исключения даже такой, казалось бы, автономный, асемантический уровень, как фонетика, связи которой с общественным развитием наименее очевидны. Ф. Энгельс был бесспорно прав, говоря, что фонетические законы языка нельзя выводить из экономики. Но это не следует понимать упрощенно, как отрицание какой бы то ни было связи между историей общества и развитием звуковой стороны языка. Прямой зависимости здесь, понятно, нет: экономика на произношение не влияет. Но ведь определенный уровень социально-экономического развития приводит либо к дифференциации, либо к интеграции диалектов, а также к установлению прочных и долговременных контактов с соседними народами, порождающих влияния одних языков на другие, а эти процессы в свою очередь вызывают порой весьма значительные изменения во всех уровнях языковой структуры, в том числе и в фонетическом. Следовательно, благодаря ряду посредствующих звеньев социальная обусловленность и здесь оказывается несомненной.

Правда, по-видимому, можно обнаружить и такие случаи, когда указанные факторы как будто бы не действуют, когда фонетические изменения происходят под непосредственным «давлением системы». Но даже и здесь конечной целью изменений следует считать осознанное или неосознанное усовершенствование языка, поддержание его коммуникативной пригодности. Просто так, ни с того, ни с сего, ради каприза отдельных лиц ничего в языке произойти не может: вернее, может что-то промелькнуть в речи индивидов, но не может закрепиться в общенародном употреблении и перейти из фактов речи в факт языка. Поэтому, например, получившее в русском языке довольно широкое распространение произношение твердых согласных перед /e/ в словах *шинель*, *пионер*, *без*, *зеркало*, *тема*, употребление прилагательного *качественный* взамен *высококачественный* или *доброкачественный*, неправильное управление падежом числительного со стороны наречий типа *около двести* вместо *около двухсот* и т. п. не стали нормой русского литературного языка и продолжают оставаться на уровне индивидуальных речевых погрешностей.

Но есть немало и таких случаев, когда изменения, казавшиеся до определенного времени спонтанными, затем, после более углубленного изучения, раскрываются как производные чисто социальных факторов, таких, например, как влияние контактирующих языков. Так, например, долгое время считалось, что возникновение русского «аканья» есть результат чисто спонтанных процессов. Однако не так давно В. И. Лыткин высказал не лишнее серьезных оснований мнение о том, что здесь сказалось влияние на русский язык контактировавших с ним древних финно-угорских языков волжской группы. Влиянием финно-угорских языков с некоторых пор стали объяснять замену разноместного ударения регулярным на первом слоге в латышском и в некоторых северных говорах русского языка. Долгое время возникновение соответствия более ранних германских *twai* «два» и *freis* «три» немецким *zwei* и *drei* объяснялось «удобством произношения», «экономией труда», но сейчас общепринятой стала иная трактовка, имеющая в виду языковое смешение. Исчезновение перебора гласных в формах современного французского глагола младограмматики объясняли законом аналогии, но сейчас это связывается как будто с завоеванием диалектом Иль-де-Франс позиции национального языка. Подобные колебания наблюдались в объяснении причин утраты финно-угорскими и отдельными говорами тюркских языков строгого ранее закона сингармонизма, появления в осетинском языке ряда смычно-гортанных согласных, образования многочленной парадигмы падежей в якутском

языке, перехода значения орудности от дательного падежа к родительному в маньчжурском языке и многого другого⁸.

Все, что изменяется в структуре языка, изменяется в конечном счете не для самого языка и не по его собственной воле или вине. Все это происходит или непосредственно под влиянием социальных факторов (некоторые подобного рода влияния, ввиду их порой очень сложного переплетения, могут приводить не только к улучшению, но и к временному усложнению структуры языка), или же в результате «давления системы», за которым может стоять целая цепь взаимообуславливающих факторов, причем начальный фактор нередко настолько многократно опосредован, что о его существовании можно и не подозревать. Однако социальная природа языка диктует логическую необходимость признания наличия такого исходного фактора и его принадлежности к факторам социального порядка. Это хорошо понимали уже наши непосредственные предшественники. Г. О. Винокур, например, писал: «...у внутреннего механизма языка есть свои собственные законы построения, от того или иного существа которых во многом зависят конкретные явления фактического развития языковой системы. Но движет этим механизмом все-таки не сам язык, как некая имманентная автоматическая сила, а человеческое общество, осуществляющее в своих действиях свое историческое назначение»⁹.

Таким образом, если исходить не из внешней видимости, а из глубинного содержания языковых процессов, то едва ли можно считать правомерным деление языковых явлений на социально обусловленные и социальное не обусловленные. Допустимо говорить лишь о том, что одни из них обусловлены социальными факторами более очевидно, а другие — менее очевидно, одни обусловлены в большей степени непосредственно, а другие — в меньшей. Но обнаружить между теми и другими сколько-нибудь четкую, реально существующую границу оказывается невозможным. А это лишает почвы привычное для нас и уже значительно отдалившееся от идей И. А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра деление лингвистики на внешнюю и внутреннюю, а тем более — выделение социолингвистики только на этом основании в самостоятельную дисциплину.

Нетрудно понять, что степень очевидности или непосредственности есть величина слишком туманная и неустойчивая. Выше были приведены примеры того, что недостаточная изученность и односторонний угол зрения давали основания для трактовки многих фактов языка как имманентных ему, а при более глубоком исследовании выявлялась их зависимость от социальных факторов. К этому следует добавить большое число спорных случаев. Можно ли считать допустимым массовое перенесение на этом основании языковых фактов из традиционной лингвистики в социальную? А ведь именно этого требует укоренившееся разделение интересующих нас научных дисциплин, поскольку все, что сегодня еще не очевидно, завтра может стать бесспорным. В этом-то и состоит задача, а вместе с тем и сила науки. Столь же сомнительна и правомерность рассмотрения и там и тут одних и тех же, но по-разному трактуемых фактов.

И все же выделение социолингвистики как особого, относительно самостоятельного направления в науке о языке не только возможно, но и вполне целесообразно. Для нее может быть установлен особый, строго ограниченный предмет изучения, которым до недавнего времени специально не занималась ни одна наука, ни одно научное направление. Этим предметом является функционирование языков и характерные для этни-

⁸ Примеры из индоевропейских языков заимствованы из работ Б. Дельбрюка. Б. А. Серебрянникова и Ю. С. Степанова.

⁹ Г. О. Винокур, О задачах истории языка, «Уч. зап. [МГПИ им. В. И. Ленина]», V, 1941, стр. 11.

ческих коллективов языковые ситуации. Мне кажется, что научное направление именно с таким предметом исследования имеет наибольшие основания именоваться социальной лингвистикой, или социолингвистикой, потому что именно оно ориентировано на чисто социальную сторону языка. Именно функционирование языка в связи с языковой ситуацией и представляет собой тот единственный специфический и вполне достаточный предмет изучения, который способен оправдать относительную самостоятельность социальной лингвистики.

Граница между традиционными областями языкознания и социолингвистикой при таком ее понимании обусловлена не эфемерным различием между социальным и «несоциальным» в структуре языка, а вполне реальной самостоятельностью двух сторон языка: структурной и функциональной¹⁰.

Изучение языковой ситуации как субструктуры в структуре общественных отношений представляет большой теоретический интерес для целого комплекса гуманитарных наук. Но в то же время он имеет и меньший практический смысл, так как обеспечивает возможность прогнозирования и сознательного управления деятельностью языков, т. е. того, что иначе называют «языковым планированием» (language planning).

Именно языковую ситуацию, а вовсе не сумму языковых функций, как это принято думать, мы всегда по сути дела и имеем в виду, когда говорим о функциональной стороне языка, о его функционировании или о его функциональном развитии. Все только что названные термины далеко не идеальны, поскольку им свойственна многозначность и даже омонимичность, но они уже вошли в употребление и нет особой надобности заменять их другими. Важно только не поддаваться этимологическому соблазну и не допускать на этом основании субституции понятий. «Функциональное» здесь связано не столько с функциями языка, сколько с его функционированием, т. е. с совокупностью ролей, которые он играет в жизни общества.

Вне общества язык существовать и развиваться не может. Именно потребности общественного развития служат в конечном счете импульсами развития языка. Но не следует упускать из виду и обратную зависимость. Человеческое общество не может обходиться без языка как важнейшего, наиболее совершенного и универсального средства общения, формирования мыслей, накопления и передачи опыта.

Если мы возьмем не только язык как таковой, но языковую ситуацию в целом, т. е. сеть отношений между формами существования, сферами употребления и условиями функционирования языка, и наложим ее на систему общественных отношений, то увидим, что первая целиком уместится во второй и перекроет ее почти полностью, оставив частично открытыми лишь области отношений «человек — машина», «человек — природа», но и из них только те, которые не предполагают одновременно связей с другими людьми. Поэтому, между прочим, изучение языковой ситуации неправильно было бы считать делом одних только лингвистов. Оно может и должно входить также в круг задач историков, этнографов, социологов, специалистов по социальной психологии и педагогике. Вернее сказать, это общая задача представителей по меньшей мере шести названных наук. Без кооперации их усилий изучение подобных многогранных проблем неизбежно будет страдать односторонностью, что особенно вредно может отразиться на решении вопросов языковой практики.

¹⁰ Соответственно этому два рассмотренных направления в лингвистике правильнее было бы именовать «структуральным» (как предложил в устном выступлении Н. С. Чесоданов) и «функциональным», если бы за этими терминами не закрепилось уже совершенно иное значение.